

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 20 (4145)

Вторник, 16 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

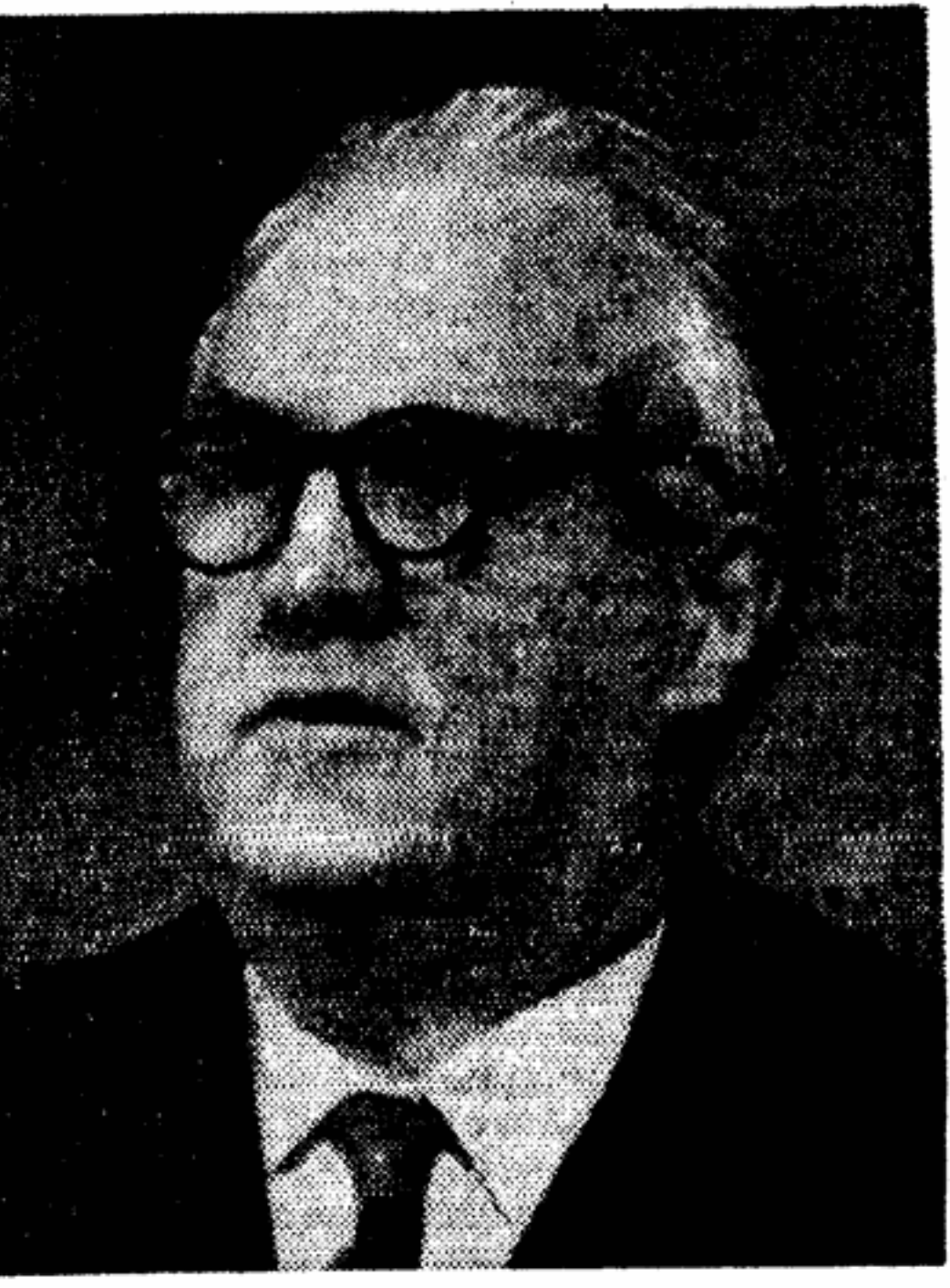
Вчера в Кремле открылась Конференция советской общественности за разоружение

СДЕЛАТЬ ВОЙНУ НЕВОЗМОЖНОЙ!

ЗДЕСЬ, в этом Кремлевском зале, собрались представители широких кругов советской общественности, советские сторонники мира, посланцы всех народов нашей необъятной Советской страны.

Великие идеи коммунизма ввели в советского человека, будь он русский, украинец, белорус, казах, армянин, грузин, чудодейственную силу и дали возможность преобразовать родную землю в цветущую, непобедимую, мирную державу.

В этой встрече приняли участие видные представители общественности различных стран, причем впервые встретились и обсудили проблемы разоружения представители общественности СССР и США.

Николай ТИХОНОВ

В современной обстановке больше не существует фатальной неизбежности войны. Народы все больше убеждаются в том, что можно и должно навсегда исключить войну из жизни человеческого общества.

Вместе с ним, вместе с ним развиваются все страны социалистического лагеря. Их достижения открыты глазам всех, кто хочет видеть, как живет социалистический мир, которому радостно всякое мирное соревнование и ненавистна война.

Сегодня мне хотелось бы особенно отметить благодарную роль Всемирного Совета Мира, направленного на осуществление разоружения.

Мы собрались на нашу Конференцию, чтобы обсудить главную проблему, которая волнует все человечество и от решения которой зависит судьба мира.

Ленин в свое время говорил: «Надо иметь в виду, что пацифистский фраз, разговор и заверений, иногда даже клика против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспечения мира мы встречаем в большинстве государств и, особенно, современных цивилизованных государств необыкновенно мало».

Воля народов, которая сделала возможным встречу государственных деятелей, должна проявиться с еще большей силой, пока не будут приняты действительные меры по разоружению.

С возмущением говорят делегаты о прорывах врагов мира, о поджигателях новой войны. Председатель Советского комитета защиты мира привел множество примеров подрывной деятельности врагов человечества.

Ленин в свое время говорил: «Надо иметь в виду, что пацифистский фраз, разговор и заверений, иногда даже клика против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспечения мира мы встречаем в большинстве государств и, особенно, современных цивилизованных государств необыкновенно мало».

Вот эту реально-агонию мирную политику неуклонно проводило и проводит Советское правительство при единодушной поддержке всех советских людей.

Вот почему так важно, чтобы мы, советские люди, гордимся тем, что наше Советское государство смело и решительно прокладывает дорогу к всеобщему миру, к ликвидации всех средств ведения войны, к осуществлению на деле самых высших гуманных идеалов, о которых излагал метало человечество.

Мы, советские люди, гордимся тем, что наше Советское государство смело и решительно прокладывает дорогу к всеобщему миру, к ликвидации всех средств ведения войны, к осуществлению на деле самых высших гуманных идеалов, о которых излагал метало человечество.

Борьба за мир, как всем известно, требует огромного напряжения, сосредоточения знаний и сил, неутомимости и большой любви к простым людям, людям труда, которые все сердцем приветствуют такую самоотверженную, горячую преданность всеобщему делу мира.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

В самом деле, товарищи, вдумайтесь еще раз в тот факт, что наша страна, находящаяся в полном расцвете своих жизненных сил, могуществе трудовых побед, в славе новых достижений человеческого труда, выступает как верный и надежный гарант мира и безопасности для всех народов.

Борьба за мир, как всем известно, требует огромного напряжения, сосредоточения знаний и сил, неутомимости и большой любви к простым людям, людям труда, которые все сердцем приветствуют такую самоотверженную, горячую преданность всеобщему делу мира.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

Советский человек живет в мире, где все делается для его пользы, во имя его добра и счастья! Советский человек прекрасно понимает, что партия Ленина вывела народы нашего государства к свету необозримых горизонтов, воспитала

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

Вот почему так важно, чтобы мы, советские люди, гордимся тем, что наше Советское государство смело и решительно прокладывает дорогу к всеобщему миру, к ликвидации всех средств ведения войны, к осуществлению на деле самых высших гуманных идеалов, о которых излагал метало человечество.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

Все это, конечно, важные проблемы. О них шла речь не только во время заседаний, но и в перерывах, после заседаний. Но главный вопрос: что же могут сделать советские люди, чтобы скорее добиться всеобщего разоружения? Докладчик и выступавшие в первый день работы Конференции уделели ответу на этот вопрос значительное внимание.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

...Выступления еще не закончены. Они продолжатся и сегодня.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

Конференция и ее решения, несомненно, еще больше активизируют борьбу советских людей за мир, за разоружение, за осуществление без войны.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

В зале заседаний Конференции советской общественности за разоружение.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

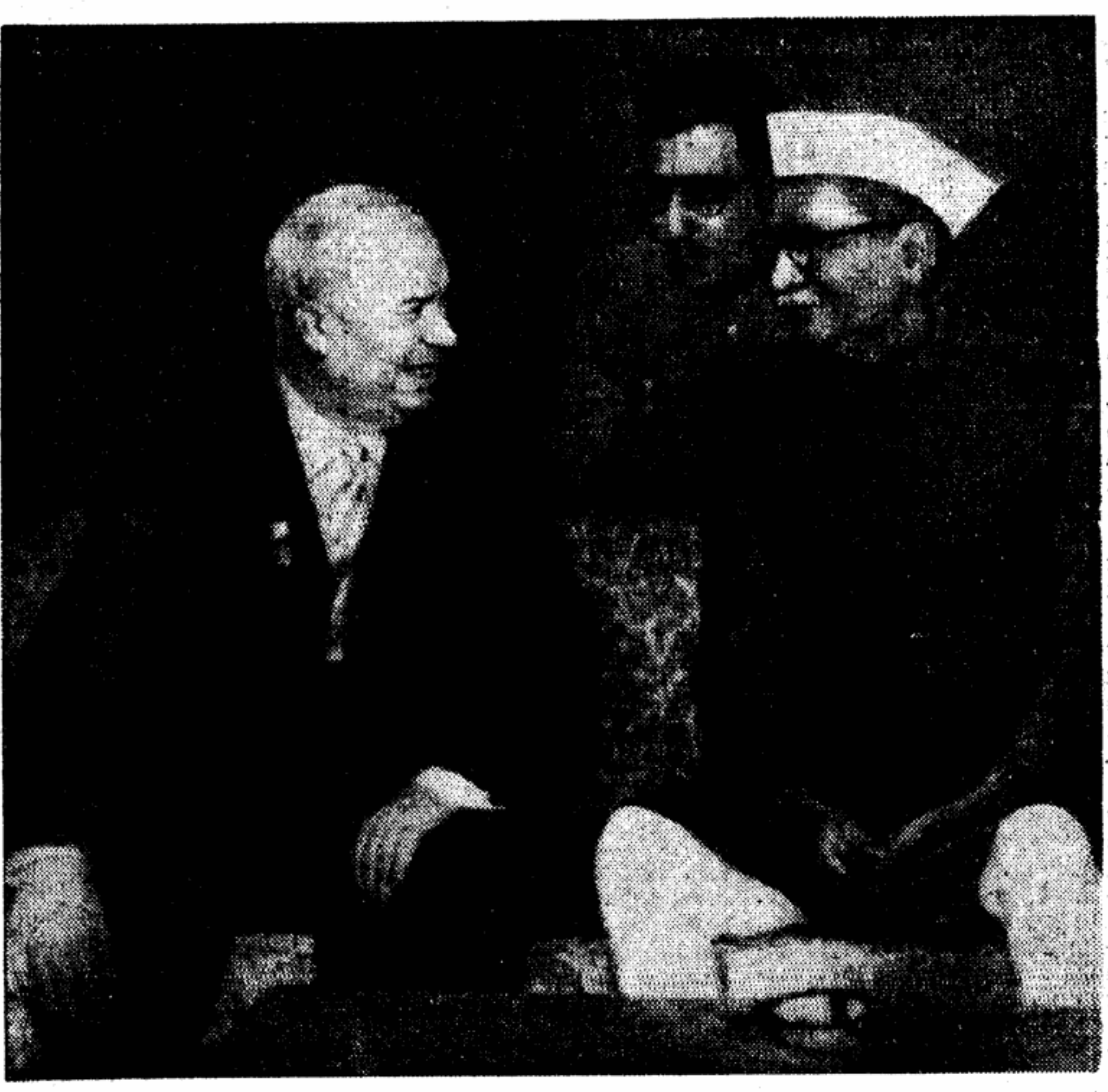
Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

В зале заседаний Конференции советской общественности за разоружение.

Такое же чувство сознания, веры в свои силы, чувство собственного достоинства, сдружил с другими народами.

Сколько новых зданий можно было бы передать больницам и школам, сколько бы домов, каналов, городов, университетов и курортов можно было бы построить за счет тех же 60 миллиардов долларов, что затрачиваются на военные расходы ежегодно.

Никогда так реально, так зримо мы не приближались к основным решениям, касающимся всех на земле, как сейчас. Со всех сторон мира слышны голоса надежды и веры в то, что переговоры принесут человечеству долгожданное облегчение.

ПРЕБЫВАНИЕ Н. С. ХРУЩЕВА В ИНДИИ. Визит Н. С. Хрущева Президенту Республики Индия Раджендре Прасаду. На снимке (слева направо): Н. С. Хрущев и Р. Прасад. Фото А. Стужина.

О СУДЬБАХ МИРА

СЕМЬСОТ делегатов собралось вчера в Кремлевском театре на Конференцию советской общественности за разоружение. Семьсот разных людей, семьсот разных биографий. Вот у окна стоит невысокий человек. Кто он — общественный деятель, преподаватель, рабочий? Что привело его в этот зал?

Восемнадцать лет назад боец Волховского фронта Иван Ульянов узнал, что его жена, сын и дочь погибли в осажденном Ленинграде, не вынесли блокады. Почти вся семья... Четырехлетнего сынишку успели вывезти на Урал.

Только бы он остался жив и никогда не испытал ужасов войны. И словно в ответ на мысли Ульянова, из другого конца землянки доносится: — А ведь эта война, братцы, не последняя. Наши дети еще повоюют! — Вреши! Не попусти войну! Не позволим! — изменившимся от гнева голосом крикнул Ульянов.

После Волхова — Конотоп, Бахмач, Иттомир, Варшава, Краков. Обугленные дома, разбитые семьи, вытопанные поля. Войну Ульянов закончил тринадцатого мая сорок пятого года в окрестностях Праги. А спустя пять лет, после пятнадцатилетней службы в армии, уволился в запас Героя Советского Союза, кавалера орденов Ленина, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, майор Иван Ульянов. И поступил матросом в Мурманский рыболовный флот. Был командиром — стал радистом. Но его радость, будничная работа — это борьба за жизнь и счастье, за мир.

И он гордится ею. А больше всего гордится своим сыном, которому сейчас двадцать два года и он уже «сам строит» железную дорогу Тайшет — Абакан, правда, пока в качестве студента-практиканта.

Жизненный путь майора запаса не мог не привести его сюда, на созванную Советским комитетом защиты мира Конференцию, не мог не сойтись с путем подмосковного тракториста Владимира Нестерова, писателя Бориса Полевого, бурятского врача Евгения Константиновича, сварщика Алексея Уласова, кинорежиссера Сергея Герасимова.

Если сверху, с мест, отведенных для прессы, оглянуть зрительный зал, то увидишь редкую смесь одежды. Золотые погоны генералов и маршалов, национальные одежды Востока, длинные одежды священнослужителей. Неподдалеку от Семена Михайловича Буденного — совсем молоденькая девочка; она, конечно, и войны-то не помнит. Лица белые, смуглые, черные. В качестве гостей прибыли посланцы других стран: член президентского комитета Всемирного совета мира Сайфуддин Кичилу, председатель Всесоюзного совета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия Каору Ясуи, легендарный борец за мир Джеймс Эндикотт и другие, идущие в авангарде великой битвы за мир.

Как выразительны лица собравшихся! Видно, на этом молодого человека особенно сильно впечатлелись произошедшие в докладе Н. С. Тихонова, где говорится о значении новой мировой инициативы Советского правительства — сокращения Советских Вооруженных Сил на одну треть. И действительно, он, машинист портального крана Братской ГЭС, Юрий Лангада повесил этому свое выступление. Юрий пришел на строительство в пятидесят шестом году, после сокращения Советской Армии. Два третьи строителей в Братске, говорит Лангада, — бывшие воины. «Не надо бояться ехать в Сибирь, на Север, — с волнением призывает он, — кому, как не нам, превратить непроходимую тайгу в самый цветущий край нашей Родины! Мы призываем демобилизованных воинов: приезжайте к нам в Сибирь!»

Два молодых делегата вслушиваются в выступление члена-корреспондента Академии наук СССР Е. Федорова. Федоров рассказывает о колоссальной вреде, причиняемом человечеству ядерными испытаниями, говорит о том, что единственная помеха для заключения соглашения о за-

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — СОВРЕМЕННОСТЬ

Сегодня, 16 февраля, в Москве открывается Третий пленум Оргкомитета Союза работников кинематографии СССР. Около 700 киноработников Москвы, Ленинграда, союзных республик примет участие в обсуждении главного вопроса повестки дня: «О повышении идейно-художественного качества фильмов на современном этапе и задачах творческой борьбы за запрещение атомного и водородного оружия СССР» (докладчик И. Пырьев).

Доклад на Конференции советской общественности за разоружение. Печатается в сокращенном виде.

В зале заседаний Конференции советской общественности за разоружение. Фото М. Трехмана

Встреча с А. Н. Несмеяновым. Вчера в Центральном Доме литераторов в Москве состоялась встреча писателей с президентом Академии наук СССР А. Н. Несмеяновым. Ученый рассказал о новых отраслях науки, о проблемах, которые решают советские ученые.

ЖИВОПИСЬ СЛОВОМ

О ШЕРГИНЕ говорят, что он — «Бажов Русского Севера». Это все равно, что Варенцово море назвать Северным Каспием. Красиво, но бессмысленно.

Впрочем, называли ведь Чехова русским Мопассаном, а Лермонтова русским Байроном. И Лермонтов протестовал («Нет, я не Байрон, я другой»); но потому, наверно, что был русским Байроном казалось ему обидным («я не Байрон, я сам по себе»), а просто потому, что он действительно был другим.

Применительно к Шергину аналогии напрашиваются особенно неуместными, настолько самобытными, оригинальными его поморские рассказы:

«Угрюмо Студеное море — седой океан. И помори, идучи из дальнего промысла, брالی с собой на корабль песню и сказку...»

Из-за нас, мастеров-посказателей, артельные старосты плахами березовыми бились, дрались, боем отбивали, отымом отымали нас друг у друга...

Очень часто бывает так: художник не изобразил ни лиц, ни фигур своих персонажей, а читатель ярко их видит, ни с кем не спугает. Как же достигается эта удивительная пластичность, зрительная яркость изображаемого? В чем тут «фокус»?

На этот вопрос, мне кажется, исчерпывающее отвечает одна излюбленная мысль А. Н. Толстого.

«Жест», — говорил он, — определяет фразу. И, если вы, писатель, поучитесь, и предугадаете жест персонажа, которого вы описываете (при одном непроизвольном условии, что вы должны ясно видеть этот персонаж), след за угаданным вами жестом последует та единственная фраза, с той именно расстановкой слов, с тем именно выбором слов, с той именно ритмикой, которые соответствуют жесту вашего персонажа...»

К этому можно прибавить, что сказанное относится отнюдь не только к так называемой «яркой речи», то есть к речи персонажей, но в меньшей степени и к речи автора. Если словесная ткань произведения явилась результатом подлинного творчества, если она была словесным закреплением образов видений художника, читатель тоже начинает видеть, для него за каждой фразой встает яркий зрительный образ.

Читая прозу Шергина, постигаешь буквальный смысл горьковского выражения — «живилось словом». Вот маленькая сцена из рассказа «Рождение корабля»:

«Тут — не ждан, не зван — подлетил к кораблю на грех извозчика холостяцкий брат с веселой компаньей... Да начали нахально приказывать:

«Вези к новостроенному судну. Нам угодно, так гулять будем. И Кионот отказал:

«А нам не угодно... И гулять там не будете.

Они не послушались, только пуще закуражились и полезли в карбас самолично. А один, толстый, подскочил и сбил с Кионота шапку, не зная его плотной силы.

Тогда Кионот Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и опрулил в воду, чтобы его благородие прохладилось...»

«Бавое, нужно было здесь, описывать корабельного мастера Кионота Ивановича, его внешность, характер и т. д. Вещь он так и стоит перед глазами.

Характер его открывается нам не только в репликах, неповторимо-индивидуальных, но и в авторских ремарках, вроде: «И Кионот отказал...» А как зрительно точна фраза: «Кионот Иванович, губу закусив, поднял толстого... и опрулил в воду...» В ней не только виден жест, в этом слове — «опрулил», в самом интонационном движении фразы физически ощущаешь мускульное усилие.

Пластический зрительный образ, вставший за каждой фразой, — это, вероятно, и есть то, что отличает подлинный стиль от стилизации, хотя бы и самой излюбленной.

СКАЗ — излюбленный Шергиным тип повествования.

Эта художественная форма строится обычно на том, что и речевая манера рассказчика, и взгляд его на из-

Б. Шергин. «Океан-море русское». М. 1959. «Молодая гвардия».

Вот одна из лучших «поморских статей» Шергина:

«Свадьба отошла, зажили молодцы... Натальяшка выспится, вылетится, вытепшится, тогда будет косу плести... Где бы пошить или чашку вымыть, у Наташи шляпка наложена, ножка сряжена погуглять... Придет — рукавички, катанцы мокры бросит кучей. Пушкин высушит, в руки ей подаст. Он чего просит, она как не чуёт... И сказать нельзя... Как смеяться? Пушкина мажешь ли, сестра ли обхихолила коров-та, Наталья-та не ралепа по хозяйству...»

Представления рассказчика о быте Пушкина и его жены сродни представлениям шолоховского Авдееча Бреца о быте Николая Второго: «Гарниа, ставь самовар, — восклицал царь, завидя рассказчица, — Авдееч приехал...»

Казалось бы, рассказчик не видит и не понимает истинного смысла того, о чем он рассказывает, и вообще все это нужно автору только для комического эффекта.

Однако в том-то и прелесть и художественная сила сказа Шергина, что человек, от лица которого ведется повествование, рассказывая чудную, сложную жизнь, исходит из своих житейских представлений, но обнаруживает при этом очень ясное и очень точное понимание трагедии Пушкина в последние его годы. В наивном этом рассказе живет огромная народная боль за Пушкина:

«А к Наташе приезжал кавалер Дантес заподкакивал, долгой, как лицерича...»

«Тоне досмотрелись в книгах, что царь кавалера-то подослал. Дантес-от на жалованьи, что он царю на ложе чужих жен да дочерей добывал... Царь, а вот что до проделывал...»

Однако и Пушкин знает свою очередь. Он не хочет навязнуть срам терпеть. А некуда на царя просить. И некуда убежать...»

И почти незаметно, с поразительной естественностью этот смешной и трагический в своей наивности рассказ превращается в легенду, высокую и патетическую. Бытовой образ Пушкина сменяется сказочным:

«Тут была беда месяца января в двадцать девятой день. Бели снега кровно замелуются... Где Пушкин — тут огнем одено, где Дантес — тут как дым. Царски полаты затряслися, царь с вельможами, по ямам сиди, выгнать их не смеют...»

Ударяя Пушкину пулю под сердце, прошла мей крыль. Пал на бели снеги, честным лицом о сыру землю. Пал, да и не встал...»

МОНОГО доставалось Шергину от редакторов-пуристов и пуристов-критиков. Ссылались при этом и на необходимость беречь чистоту литературного русского языка, и на то, что слова, вводимые Шергиным в литературу, все равно не войдут в живую речь читателя.

Забывали, что в литературном произведении слово несет художественную, эстетическую функцию.

Ведь никому в голову не приходит упрекать Гоголя в том, что употреблено им слово «взбугутеняныши» не вошло в активный запас слов читателя.

Ревнивецам чистоты и правильности литературного языка не мешало бы почаще перечитывать стихотворение Л. Маршанова о воде, такой чистой, что «ни напиток, ни умыться»:

Ей не хватало Ивы, тала И горечи цветущих лоз;

Ей Волдоросле не хватало И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей Не хватало быть волноистой, Ей не хватало течь везде, Ей жизни не хватало — Чистой, Дистиллированной Воде!

НЕЛЬЗЯ не сказать хоть несколько слов о работе Шергина — собирателя северного фольклора. Впрочем, смысл и содержание этой работы далеко не определяются словом «сборитель».

Вот одна из лучших «поморских статей» Шергина:

«Вот что я рекомендую вам взять сегодня. Прочтите — не пожалеете». Добрый совет опытного библиотечного работника очень необходим и заведующей читальным залом библиотеки имени Достоевского (Москва) Прасковье Васильевне Карташовой как и своей наставнице. Немудрено: ведь Прасковья Васильевна работает в библиотеке уже четверть века.

«Хрестоматийное» стихотворение Майкова — «Емшан». Но насколько же подлиннее, сдержаннее и сильнее суровая поэзия шергинской старины:

И Сырчан на князя оскорбил: — У Владимира-князя правды нету, В гости звал, велича сыновьями, А чествовал ниже холопа. — И Отрок Сырчан умикает: — Не по делу крамолишь, брате. Со всеми Володимир ровню грозит. С боярином грозен и со смердом. А мы не князь — мы Киеву дружим, С Киевом у нас нету обиды. — Сырчан на то рассмеялся: — Ты и наймиса Киев караулишь. Повеся на бедро колотушку. Ходи по улущам, стужай! А моя голова непоклонна...»

Рядом с этими строками стих Майкова кажутся не только излишне гладкими, игриво-легкомысленными. Как ни парадоксально это, они кажутся архаичными:

И адруг, взамахнувши кулаком, — Не царь я больше вам отныне! — Воскликнул. — Смерть в краю родном Милей, чем слова на чужбине!»

При всей словесной архаике своей шергинская старина современнее. В ней перед нами — не романтичный образ полководца хана вообще, а живой, психологически достоверный, реальный характер.

Такое все лучшее, созданное Шергиным. Это не стилизация, но словесные вычурья, а сильная и точная лепка человеческого характера.

Б. САРНОВ

В ЭТИ ДНИ в Воркуте такие морозы, что с трудом разбиваешь сплпшские створки автобусных двоек: пневматика отказывает. Но в жарко натопленном зале городской библиотеки идет горячий спор о повести Ремекуча «Время летних отпусков». Люди специально приехали с разных заполярных шахт. Эти люди так говорят о Светлане Панышко и других героинях повести, как о своих добрых знакомых, друзьях, сослуживцах. Многие в них нравятся, с чем-то не соглашаются. Волнует читателей неустойчивость Глеба Горелова. «Нет, Светлана не имела права бросать его в беде, уехать в отпуск... Ясно одно, книга Ремекуча задела что-то дорогое, важное и нашла благодарный отзыв в этих, обычно скупых на слова северянках.

Сколько ни приходилось выслушивать мнений о повести в том краю, где она только и могла родиться, — все они сходились в безоговорочном признании ее поэтичности и правдивости. Пожалуй, осел Ремекуч рядом со своим героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

Но из окошка «Победы» трудно разглядеть людей в их глубинной сути. Прежде чем написать хорошую повесть, Ремекучу пришлось обиваться на Севере по настоящему. Приехал он сюда двадцатилетним студентом Литературного института. Здесь он и остался жить и работать. Многие годы провёл Ремекуч рядом со своими героями: работа нефтяников, геологов давно для него перестала быть

деловой влюбленностью автора в людей Севера. Каждый, кому пришлось поколесить по таежным дорогам республики Коми, сможет подтвердить подкупающую точность пейзажа и обстановки у Ремекуча. Но дело не просто в констатации факта. Не так давно мне довелось проехать примерно по маршруту Светланы Панышко. И эти несколько сот километров до железнодорожной станции с их приземляющимися «командировочными» однообразными взрду как-то стали выделиться, «остреться» по-новому. Повесть Ремекуча помогла многим старожилам этих мест преодолеть инерцию «привычки» и открыть для себя заново красоту земли за 63-й параллелью.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ

Может показаться, что здесь, в черте лесного посёлка, где все будто знает все о каждом, истинная цена человека определяется просто и ясно. Но вот высокая мера доверия и ответственности ложится на плечи временно назначенной заведующей промыслом Светланы Панышко, и не просто «завышали» скважины, — что-то пробудилось, всколыхнулось в людях Унь-Яги. Чуждено в погосте это открытие духовных ресурсов героев.

Значительность произведения Ремекуча прямо пропорциональна его краткости. Молодой писатель отменно почувствовал специфику жанра. Конструкция его повести изысканна и экономна, в ней нет ничего лишнего. Не поставлены все точки над «и», но это хорошо: мы говорим Светлане и Глебу «до свидания», а не «прощай!». На тесноватом пятке повести читатель не теряет из вида никого из ее участников, а расставаясь с ними, может себе представить различные варианты их судеб. Открытая, перспективная композиция не разрушает жанровую завершенность, а это — знак зрелого мастерства.

Ремекуч не стремится упростить реальную сложность людских характеров, человеческих отношений. Его Глеб Горелов по-своему симпатичен, несмотря на обидные срывы. Бывает же такое, особенно на Севере, — не удержишь в работе, но слабовато по части выпивки. Писатель отнюдь не торопится ставить на нем крест — любит ведь Глеба за «что-то» Светлана Панышко, — и приглашает нас спокойно и объективно разобраться в истории этих трудно встретившихся людей. Нет, писатель вовсе не «добретенек» к человеческим слабостям и недостаткам, но к одному он готов прийти

к помощи, как к Глебу, другим казлит ироническим презрением, как механищана Инихова или самовлюбленного Брызаглова.

Тема Севера всегда имела свои привилегии в литературе. Но в этой повести никто не пробовался сквозь метель и пургу — время-то летнее! — не встречает в чаще болота, леса Прилещоры — не Заполярье, но автору в любом случае чужда установка на экзотику, на обыгрывание эффектных ситуаций.

Людям у Ремекуча заняты повседневными делами, вспомните пилота в собачьих унтах, деловито прошагавшего после первой посадки вертолета в Унь-Яге к дощатой скворечне о двух дворян. Писатель мила та романтика, которая глубоко ушла в быт и дела его героев, не любящих деклараций и самопохвалки, а эта романтика не всегда лежит на поверхности.

Сотни тысяч демобилизованных из армии солдат придут вскоре в районы Севера, Урала и Сибири. Каким главным ориентиром может стать для них повесть Ремекуча! Три недели назад в Кыяж-Погосте — есть такая станция на Печорской магистрали — я разговаривал с москвичом, вы п у с к и н о м МИИТА, который попрощал комиссию направить его в Коми АССР. Здесь его избрали вторым секретарем райкома комсомола. О своей работе на Севере он рассказывает восторженно. И любопытная вещь — в решении «проставить» сюда некую роль сыграла прочитанная им повесть в журнале «Знамя».

Наш «ИЛ-14» идет на снижение, и под крылом во мгле вьюжной ночи рессорно мерцающих огоньков возникает Ухта. Световая пелочка тянется на добрый десяток километров. За девять лет, прошедших с момента первой встречи, все здесь неузнаваемо изменилось. Вырос город, выросли люди. И ныне юная социалистическая Ухта выдвинула своего представителя в большую литературу современности: Александр Ремекуч и его талантливая повесть «Время летних отпусков» представлены на соискание Ленинской премии!

В. ГАЛЫПЕРИН г. СЫКТЫВКАР

И я думала тогда: разве легко было Айкиз совершить то большое дело, которое затем принесло людям радость и счастье? Трудности ее были сложными.

И еще одной героине я была вспоминаю с благодарностью. Это Саиды из повести нашего замечательного писателя А. Каххара «Птичка-невеличка».

Какой тонкий ум, какая огромная воля, какое умение увлечь людей у этой милой хрупкой девушки! Каждый разговор Саиды с Каландаровым — трудная, умная борьба за этого интересного, в сущности, хорошего человека. Я горжусь Саидой и, так же как и Айкиз, люблю «побеседовать» и поговаривать с нею.

1959 год был особенно радостным в моей жизни. Наконец-то машины получили достойную, широкую дорогу на хлопковых полях. Механизаторы Узбекистана доказали, что машина действительно лучший друг хлопкороба. Мои мечты о больших делах начала сбываться. Конечно, я не смогла бы добиться своего, если бы постоянно меня не поддерживали советские люди — товарищи по работе, мои добрые друзья.

И среди них — любимые книги, кинофильмы, спектакли, где живут и борются близкие моему сердцу страстные, сильные, волевые герои. Айкиз и Саиды — они поставили мне большую радость.

Герой Социалистического Труда Трудовой АХУНОВА

Хлопок имени Кирова, Чиназского района, Ташкентской области.

ДРУЗЬЯ ПОМОГАЮТ...

ВЕРОЯТНО, каждый любит книгу по-своему. Для меня книга — это советчик в жизни, Герои, которых я люблю, — люди, живущие большими мыслями, борющиеся, страдающие, люди — победители трудностей. Я говорю с ними, как с добрыми друзьями, сплору, жалею, что это «все» лишь литературные образы, а как хорошо было бы поделиться с ними радостями и заботами своей жизни.

Умным и хорошим товарищем стала для меня Айкиз — героиня романа Шарара Рашидова «Сильная буря». Впервые я познакомилась с ней, когда была студенткой техникума механизации сельского хозяйства и мечтала стать хорошим механиком.

Айкиз — твердый, волевой и в то же время мягкий, истинно женственный характер — покорила меня большой благородной любовью к людям. Ее борьба за преобразование родного кишлака, ее бесстрашие перед трудностями, ее увлеченность, полная самотата любому делу — все это вызвало во мне глубокую симпатию. Хотелось быть такой же.

Вскоре я окончила техникум, стала водителем хлопкоробочной машины. Нелегкая это была работа в те времена. Многие руководители колхозов (да и не только колхозов) не верили машине. Нет ничего обиднее, когда люди с отсталыми взглядами преграждают дорогу новому. Иногда я приходила в отчаяние.

И вот в такие дни часто вспоминалась Айкиз.

«Литературная газета» начинает обсуждение вопросов драматургии театра, кино и телевидения в связи с предстоящим пленумом правления Союза писателей СССР.

Сегодня эти массовые виды искусства становятся все более важными, их значение в коммунистическом воспитании народа с каждым днем возрастает. Отсюда все большая ответственность писателя, призванного играть решающую роль в театре, в кино, и в телевидении.

Что нужно для того, чтобы в нашей драматургии сильно, мощно прозвучали ведущие идеи времени? Чтобы на сцене и экране появился подлинно яркий и многогранный образ героя-современника? Чтобы глубоко и остро были раскрыты сложные процессы действительности?

Какие тенденции в драматургии XX века следует считать плодотворными? Каковы отличительные черты и природа конфликта современной советской и зарубежной драмы?

Редакция надеется, что на страницах газеты возникнет широкий и многосторонний разговор по актуальным проблемам современной драматургии. Мы приглашаем наших читателей — советских и зарубежных, драматургов, критиков, деятелей театра и кино принять в нем участие.

Я ЗАДУМАЛ пьесу, в которой будет действовать человек, собирающийся полететь в космос. Он живет среди нас, ходит по тротуарам и лугам Земли и не однажды, замедлив шаг, пытается представить себе, как он будет выйти по инвой тверди... Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что мой герой в оставшееся для него на Земле время меньше всего думает о мелочах. Или же воспринимает все мелкое, переходящее с улыбкой. Впереди большой риск, и сейчас так много необычайных забот, что само собой отодвигается на третий план все малозначительное. Вероятно, у героя будут обострены чувства, мысли, он будет откровеннее и проще. И он будет добрым. Очень добрым — и товарищам, к любимой женщине, к деревням и лесам. А вот как он будет относиться к подлости? С презрением, с открытой ненавистью или с иронией, сдержанной и мудрой? Все это определит сам характер.

Правда ли, что человек скоро полетит в космос? Правда. Правда ли, что хулиганы убили хорошего паренька-комсомольца, вступившего с ними в борьбу? Правда. А правда ли, что по жизни, уже как бы подвеченной из будущего, еще ходят обиженные из судьбы недоучки, зарвавшиеся анонимщики, хищные чиновники, погрязшие веком неврастеники? И это правда. Один писатель видит жизнь и ее продолжение, другой — выгнаны, устало закрывает глаза. Многие фильмы вежливо

Чаплина кончатся тем, что их герои, что бы с ними ни случалось, уходят по бесконечной дороге, к своей мечте. Фильмы и пьесы некоторых наших так называемых социалистических реалистов так давят на душу, что ни о какой дороге, ни о какой мечте не может быть и речи. Правда, в финале багаторфисных приемами авторы пытаются создать оптимистическую атмосферу, но это уже не спасает подавленного зрителя.

И особенно странно выглядят то обстоятельство, что некоторые литераторы, люди молодые, способные, вероятно, после известной тренировки, отправившись в космос, создадут пьесы, как постеры вирусного гриппа.

В нашей жизни ежедневно, ежечасно происходят такие события, которые по существу своему оптимистичны. Каждый шаг народа нацелен в будущее. Отсюда — надежды, окрыляющие советского человека, отсюда — его уверенность в завтрашнем дне. Все новое и лучшее свершения выдвигают имена талантливых изобретателей, ученых, новаторов сельского хозяйства и промышленности. И, конечно же, эти люди, деревенские, неумомимые и страстные, борясь за коммунизм, определяют весь ход нашей жизни. Стоит ли нам в драматургии на первый план выдвигать жизненную неуравную, мелкие страсти? Ритмы жизни — упругие, динамичные, а в некоторых пьесах и на сцене — замедленная вялость действия, тусклость атмосферы, усталые герои с опущенными плечами, чем-то напоминающие персонажей с неудавшейся судьбой из некоторых западных фильмов. Как печально видеть это разительное несоответствие между киничным, постоянно обновляющимся содержанием жизни и тем, в какой форме иногда отображается наша жизнь драматической литературой.

В последнее время появились пьесы, радующие своими поисками в области формы, написанные на современном материале. Хотелось бы прежде всего остановиться на новой пьесе Алексея Арбузова «Иркутская история».

Герои «Иркутской истории» живут драматично, трудятся, любят, строят... Это те люди, которых принято называть у нас простыми людьми, хотя внутренне они далеко не простые. Арбузов подметил черты взаимной поддержки, коммунистического товарищества, раздумье о жизни личной, о судьбе коллектива и общества в целом, владеет умом арбузовских строителей. Кто-кто из них общается, но от оплох трудностей застраховаться, особенно в молодости.

Экскаваторщик Сергей Сергеевич любит перемолоченную девочку Валентину, которую зовет Валька-дешевка. И оттого, что он сам — человек внутренне богатый, оттого, что он щедр душой,

ПРОБЛЕМЫ драматургии ЧЕЛОВЕК НА СЦЕНЕ

он помогает любимой девушке подняться и в своих собственных глазах, и в глазах окружающих. За что бы ни брался Сергей, он хочет, чтобы все стало лучше, чище, совершеннее. Это — характер творческий. Сергей — романтик. В атмосфере романтической приподнятости живут он сам и его товарищи.

Можем ли мы говорить о таланте того или иного писателя безотносительно к его собственной личности? Думаю, что сейчас, в условиях развернутой борьбы за коммунизм, понятие о таланте, как никогда, тесно связано с представлением о личности художника. Куда ты ведешь читателя, зрителя, какие чувства пробуждаешь

НАЙДЕМ ОБЩИЙ ЯЗЫК

ЗА ТРИ века до нашей эры мудрый индийский царь Ашока прокламал войну и назвал оружием недостойным человека. Эссен, которые обличали римских захватчиков и сотрудничавших с ними фарисеев, утверждали, что подлинный меч — от меча погибнет. Многие столетия лучшие умы человечества мечтали о том дне, когда люди откажутся решать споры железом и докажут свою правоту чужой кровью. Но мечты оставались мечтами. Люди изобрели все новое и новое оружие — пушки сменили древние наганы, на смену ядру пришла ядерная бомба.

И вот мечта перестает быть мечтой. Когда Н. С. Хрущев огласил на Ассамблее ООН предложение Советского Союза о всеобщем, полном и контролируемом разоружении, никто не решился иронически усмехнуться: разоружение — больше не утопия. Утопией, притом скверной, становится атомная война.

Икар хотел улететь в стратосферу с помощью восковых крыльев. Это была мечта. Не сегодня-завтра ракета доставит на Луну исследователей космоса: это вполне реальная задача. Так и с разоружением: оно стало осуществимым благодаря росту сознания и благодаря росту познаний. Можно было воевать, пока воевали отряды, полки, дивизии, армии, пока были массовые победители и побежденные. Теперь война означает не только убийство, но и самоубийство: начать ее не только преступно, но и бессмысленно. Это понимают все, кроме умахинных. Но мало это понять, нужно сделать из этого соответствующие выводы.

Если ни одна из великих держав больше не помышляет об атомной войне, то все же продолжает гонка атомного вооружения. Изобретаются все новые и новые способы умиротворения сотен миллионов людей. Имеющихся запасов различных бомб достаточно для уничтожения не только людей в больших городах мира, но и пингинов на безлюдном полюсе. Между тем гонка вооружений продолжается. Это похоже на бред, на абстракцию, но это дела и дни огромных государств. Можно было бы назвать такой способ уничтожения труда, обращения людей бессмысленной азартной игрой, если бы разорительная гонка вооружений не несла с собой величайшую угрозу.

Мы знаем, что никогда Советский Союз не приобретет первым в оружие. Я верю в добрую волю, в здравый смысл правителей Америки и Великобритании. Но кто может поручиться, что катастрофа не произойдет от неслесной случайности, от ошибки, от того, что не выдержат нервы какого-либо военного? Кто может также поручиться, что атомное оружие, которое перестает быть достоянием трех государств, не окажется завтра в руках нового Гитлера — паранюка, фанатика, готового погубить человечество?

Я очень рад, что генералу де Голлю удалось повлиять на жестко настроенных в Алжире, но я вспоминаю то напряженное положение, которое существовало двести недели назад. На баррикаде, построенной при попустительстве части войск в Алжире сидел кабатчик Ортиз — человек бесспорно неуравновешенный. Кабатчик Ортиз предвещал ультиматум французскому правительству, касавшийся не только внутренней, но и внешней политики республики. Представьте себе на минуту, что в руках этого кабатчика Ортиза была бы атомная или водородная бомба...

Несколько дней назад в английском парламенте Селвин Ллойд, отвечая на вопросы и перебранку лейбористов, говорил о том глубоком недоверии, которое оставил в нем лагерь смерти Бельзен. Но

Речь на Конференции советской общности за разоружение.

ведь многие преступники лагеря Бельзен — не стану сейчас перечислять их имена — теперь занимают в Западной Германии видные посты. Препятствует себе, что в руки этих людей попадает атомное оружие...

Нет двух путей, нет двух выходов: разоружение или атомная катастрофа. Пока стоят друг против друга два огромных блока, вооруженных ядерным оружием, никто не может спокойно думать о будущем. Конечно, чрезвычайно важно сто миллиардов долларов, которые ежегодно расходуются на вооружение, обратить на развитие страны, на строительство городов, на помощь голодающей половине жителей нашей планеты, но это возможно только при осуществлении всеобщего, полного, контролируемого разоружения.

Нам могут сказать: зачем ломиться в открытую дверь? Ведь скоро начнет работать Комитет десяти по разоружению. Совещание на высшем уровне тоже займется этой важнейшей проблемой. Договорятся о разоружении должны представители государств, а что могут сделать представители общности? Может быть, борьба за разоружение — пустая фраза?

Нет, мы знаем, что переговоры будут нелегкими. Много накопилось недоверия, подозрительности за годы «холодной войны». Старые представления не так-то легко изживаются. Есть еще сторонники политики силы. Есть, наконец, круги, прямо заинтересованные в гонке вооружений. Они пытаются отстоять концепцию вооруженного мира.

Когда я был мальчиком, вооруженный мир называли «миром на бочке с порохом». Теперь мы можем сказать, что вооруженный мир — это мир на тысячах атомных и водородных бомб. Что значит бороться за разоружение? Это значит рассеять недоверие, объединить общность мира, показать, что те разногласия, которые порой раздувают некоторые политические деятели или некоторые военные, не так уж велики, что они могут быть преодолены во имя осуществления великой цели.

Роль общности неизмеримо возросла и в странах Запада, и в нашей стране. Мы должны помочь дипломатам прийти к соглашению. 1960 год может стать решающим: нужно сдвинуть с места воз истории. Мы должны это сделать вместе с миролюбивыми силами всего мира.

В течение десяти лет мы участвовали в широком движении сторонников мира. Мы гордимся тем, что вместе с миллионами наших зарубежных друзей мы отстаивали дело мира. Нам вдохновляли и ставы советского народа, и голос большого ученого, большого человека Фредерика Жолио-Кюри. Мы и впрямь будем отдавать наши силы, наше рвение движению сторонников мира.

Но как бы ни было сильно это движение, оно не может одно сплотить общность всех стран, привести человечество к разоружению. В деле укрепления мира нет и не может быть соперничества. Никто не претендует на командные посты, никто не помышляет о монополии в благородной борьбе за разоружение. Нужно рассеять недоверие, нужно найти общий язык. Нам, представителям советской общности, необходимо встретиться с представителями всех стран, всех движений, всех партий, всех организаций, которые стоят за разоружение, встретиться, поговорить, договориться.

Недавно вместе с А. Е. Корнейчуком и профессором М. И. Рубинштейном я был в Лондоне на встрече «Восток—Запад», посвященной проблеме разоружения. Мы увидели там американцев — и конгресс-

мена Портера, и представителя Квакеров, и крупного физика Ория, и издателя «Нейшн». Мы встретили английских лейбористов и греческого либерала, шведского агрария и французского сторонника генерала де Голля, итальянского социалиста Ломбарди, Витторелли и бывшего министра Канады Грегга. Доклад о разоружении сделал лауреат Нобелевской премии мира Феликс Ноль-Байкер.

Мы с радостью увидели, что среди участников встречи нет существенных разногласий. Многие из них не хотят, по тем или иным соображениям, принимать участие в движении сторонников мира, но разве дело в этикетках, в принадлежности к определенной организации? Все участники встречи, в первую очередь американцы и англичане, настаивали на апелляции к общественному мнению, на широкой кампании за разоружение.

Мы, советские делегаты, выразили вашу чаяния, вашу волю, отвечали, что делаем все от нас зависящее, чтобы объединить усилия народов.

Разве не замечательно, что американский физик Ори настаивал на немедленном запрете всех видов атомных испытаний, в том числе и небольших подземных взрывов? Разве не прекрасно, что конгрессмен Портер поддержал предложение Н. С. Хрущева о разоружении? Разве не убедительно, что английские лейбористы, не только левые, отстаивали создание безатомной зоны Европы и протестовали против атомного вооружения Западной Германии, что ни разу мы не разошлись с ними ни по одному вопросу.

Но, может быть, еще значительнее, что мы встретили в кулуарах английского парламента некоторых депутатов-консерваторов, которые сказали нам, что они охотно примут участие в новой встрече «Восток—Запад».

Нужно ломать границы движений, нужно глядеть дальше, нужно объединить всех сторонников разоружения. В Англии существует мощное движение против ядерного оружия — его вдохновляет пастор Коллинз и писатель Пристли, некоторые лейбористы и папиристы. Мы рады были встретиться в Москве пастора Коллинза, и мы убеждены, что сможем вместе с английским движением против ядерного оружия способствовать делу разоружения.

В Америке есть Национальный комитет «За разумную ядерную политику». С одним из организаторов этого комитета, с г-ном Лазинсом, мы также имели удовольствие беседовать в Москве. В Социальных Штатах наблюдается резкий перелом: различные культурные, пацифистские, религиозные организации все настойчивее высказываются за разоружение. Многие видные политические деятели заняты в этом вопросе вполне разумной позицией. Представители влиятельных деловых кругов также склоняются к идее мирного сотрудничества.

Достаточно напомнить о выступлениях сенатора Хэмфри, Стивенса, о заявлениях американских физиков, о деятельности Сайруса Итона. Мы будем счастливы встретиться с представителями американской общности, откровенно обсудить с ними самые острые проблемы и показать, что в вопросе разоружения нас разделяют только второстепенные детали, что соглашение назрело и что в интересах всего мира оно должно быть незамедлительно заключено.

Мы должны откликнуться на призыв индийского парламентского комитета в защиту мира, куда входят многие видные члены партии Индийский Национальный Конгресс. Мы должны согласовать наши усилия с кипучей деятельностью японского совета против атомной и водородной бомбы. Мы должны попытаться сблизиться с противниками атомного оружия в Западной Герма-

нии, в Италии, в Скандинавии. Мы должны обратиться ко всем миролюбивым силам, не выходя из того, что может нас объединить, но думая только о великой цели, которая нас объединяет: о борьбе за всеобщее разоружение. В наших переговорах мы должны проявить терпение, широту, дружественную волю.

Порой можно услышать возражения скептиков: слишком сильно взаимное недоверие, слишком велики идеологические разногласия, чтобы кто-либо решился отказаться от оружия. Но разве не были идеологически разделены Советский Союз и страны Запада в 1941 году? Разве мало тогда было взаимного недоверия? Однако перед лицом фашистской опасности вчерашние противники объединились. Конечно, фашизм был страшной угрозой, но нужно прямо сказать — атомная катастрофа еще страшнее, и переломом этой угрозы, осознанной теперь всеми, вчерашние противники могут и должны объединиться.

Роль советской общности велика. Правое же, мы собрались здесь не для того, чтобы убеждать друг друга в преимуществах мира над войной и разоружения над гонкой вооружения. Это известно любому советскому школьнику, и для этого не стоило бы никого отсылать от дела. Убеждать убежденных нетрудно, но довольно бессмысленно. Переход нашей Конференцией стоит большая благодарная задача. Наше государство первым обратилось к другим государствам с предложением о всеобщем, полном, контролируемом разоружении. Мы, представители советской общности, должны первыми обратиться ко всем миролюбивым силам с призывом сотрудничать с нами в деле осуществления этой высокой цели. Пусть услышат наши слова: долой оружие!

Да здравствует мир!

СДЕЛАТЬ ВОЙНУ НЕВОЗМОЖНОЙ!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

за мир и всеобщее разоружение, если будут предложены максимальные условия всех сторонников мира, если же каждого человека дойдет ощущение значения совершающихся исторических событий. Сейчас нельзя сидеть сложа руки и ждать, как движется эти события. Сейчас надо действовать! Главы правительств, которые встретятся в Париже 16 мая, должны ясно чувствовать биение мирового пульса, чувствовать, что все народы верят в них, просят их сделать все возможное для освобождения от гонки ядерного оружия. Голос мирового общественного мнения должен быть услышан всеми участниками Парижской встречи.

Все организации, все движения, все отдельные политические, общественные, религиозные деятели должны объединиться, чтобы сплотить свои требования и сказать свое слово за свободу, за гуманизм, в защиту жизни против атомной смерти, за полное и всеобщее разоружение.

Для этого надо мобилизовать все силы, разъяснять простым людям во всех уголках земного шара историческое значение предложений Советского Союза о всеобщем и полном разоружении. Пусть сейчас заговорят все труженники мира, миллионы людей доброй воли, труженники полей и заводов, заговорят люди науки нашего времени, мастера всех областей искусств, писатели и артисты, мужчины и женщины — строители будущего и ветераны героических лет борьбы за счастье народов.

Сейчас миллионы и миллионы сторонников мира, людей доброй воли всех стран смыкают ряды для новой демонстрации своей воли к миру — для новой

1 декабря 1959 года двенадцать государств, в том числе Советский Союз, Соединенные Штаты, Англия и Франция, подписали в Вашингтоне Договор об Антарктике. В соответствии с Договором Антарктика используется только в мирных целях, там запрещаются любые мероприятия военного характера, создание военных баз, проведение военных маневров и испытания любых видов оружия.

Для пингинов, — а почему бы и не для людей!

Рисунок художника Кармака из американской газеты «Кристен сайенс монитор»

всемирной кампании в поддержку всеобщего и полного разоружения. Я хочу с этой трибуны нашей Конференции от имени миллионов советских сторонников мира горячо приветствовать эти усилия наших друзей и братьев, горячо приветствовать всех борцов за мирное будущее человечества!

Мы можем заверить их, что все советские люди будут вместе с ними в этом новом наступлении на фронте мира, против тех, кто хочет помешать исполнению давней мечты человечества — миру и дружбе между всеми народами!

Сейчас наступил решающий час для будущего всех народов. Мы слышим отовсюду миллионный голос народов, призывающий покончить с угрозой войны. Да, мы можем, мы имеем полное право сказать: уничтожить войну! Устраним ее на вечные времена!

Вместе с миролюбивыми силами всех стран и континентов, вместе со всеми людьми доброй воли советские люди не покажут усилий, чтобы поддержать эту битву за избавление человечества от бремени вооружений, от постоянной угрозы новой войны.

«Советские люди убеждены, что есть реальные возможности добиться прекращения опасной и расточительной гонки вооружений, что можно, пусть не сразу, прийти к соглашению о разоружении и направить на повышение благосостояния народов, на нужды мирного конструктивного международного сотрудничества колоссальные материальные ресурсы и труд людей, ныне растрачиваемые на военные цели.

Этот путь мира и разума — единственный выход из многолетнего лабиринта опасностей и тревог! Советские сторонники мира возлагают большие надежды

на предстоящее совещание в верхах, на переговоры в Комитете десяти по разоружению. Они верят, что новый 1960 год будет годом перелома, годом конкретных решений и таких международных соглашений, которые откроют путь вперед, в мир без вооружений и войны!

Пусть наша Конференция советской общности за разоружение послужит укреплению международных связей советских сторонников мира, расширению их сотрудничества со всеми силами, выступающими в том же направлении — за мир, за полное и всеобщее разоружение!

Объединимся же со всеми, кто готов вместе с нами преодолеть все барьеры, все препятствия, кто готов плечом к плечу бороться за успех переговоров, за прекращение навсегда ядерных испытаний, за начало всеобщего и полного разоружения!

Мы горячо одобряем призыв Президиума Всемирного Совета Мира, в котором говорится: «Наш долг — объединить наши усилия с усилиями всех миролюбивых сил, независимо от политических воззрений. И, наконец, наш долг — оказать поддержку всем государственным деятелям доброй воли, устранив все препятствия и недоверие. Объединившись, миролюбивые силы всех стран приведут к разоружению, к достижению нашей цели сделать войну невозможной!»

Так и должно быть — сделаем войну невозможной!

Да здравствует великое единство всех народов в борьбе за полное и всеобщее разоружение!

Идем же вперед — к светлой и высокой цели — к миру без войны, к миру без оружия!

ЧЕЛОВЕК НА СЦЕНЕ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

идеалы с признательностью воспринимаются в среде трудящихся, в среде прогрессивной интеллигенции?

Драматургия наша, преодолевая тематическую узость, не так успешно уходит от узости периферийной... Многие драматургические сочинения замыкаются в кругу местных интересов: местные проблемы, связанные с развитием того или иного профиля промышленности или сельского хозяйства, герои — местные по ограничению своему — местные по идеологии и цели, иногда и самые высокие, в таких пьесах присутствуют, но чаще всего в виде более или менее завуалированной декларации, а не как органическое следствие человеческих характеров.

Ленинградский академический театр имени Пушкина, а позже Московский театр имени Гоголя поставили пьесу И. Курянова «Сын века». Драматург обратился к материалу современности, вывел на сцену в качестве главного героя партийного работника и хорошо знавал своего героя и пьесу: «Сын века». Парторг крупной сибирской стройки Большаков, по замыслу автора, занимается именно тем, чем занимаются в жизни многие и многие наши партийные работники, славные сыновья своего народа, лучшие сыновья века. Большаков борется с консерватизмом в строительстве, действительно заботится об улучшении бытовых условий рабочих, внимателен к личным судьбам молодежи. Однако эти черты партийного работника могут впечатлять лишь тогда, когда они раскрываются достойными художественными средствами. Даже при самом добросердечном отношении к И. Курянову и его пьесе нельзя не признать, что драматург не нашел достаточно убедительных возможностей для раскрытия своего замысла. Уже в самом зародыше конфликта, определяющего пьесу, заложены элементы традиционности.

Парторг Большаков выступает против начальника строительства Прокофьева. — И с первых же сцен ясно, чем вся эта борьба кончится. Прокофьев так заявляет автором, что мы ни минуты не сомневаемся в его конечном «перевоспитании». Так и происходит. Прокофьев осознает свои ошибки где-то в конце пьесы, хотя это, без особого напряжения мысли, предугадывается с самого начала. Если говорить всерьез, дело не столько в традиционности конфликта, сколько в его отсутствии. Хо-

тел этого автор или не хотел, а написал он бесконфликтную, иллюстративную пьесу. Правда, в пьесе есть отдельные образы и ситуации, разработанные острее и интереснее, нежели отношения Большакова и Прокофьева. Это можно сказать, например, о Насте, девушке со сложной судьбой. История Насты — наиболее интересная линия в пьесе. Но ведь пьеса — не о быстрой беспризорнице, пьеса — о сыне века!

Получилось же так, что приметы века есть, стройка есть, идея есть, а сына века с его характером, человеком, ради которого автор влезал за перо, — этого человека мы видим лишь эскизно намеченными.

Масштабность в пьесе Курянова проявляется во всех внешних признаках: воспринимается лишь как масштабность ее материала: большая стройка, рабочие, заботы партийного работника. Драматург не поднялся до художественных обобщений, не создал убедительных характеров. А ведь это и только это — глубина и значительность человеческих характеров — дает произведению драматургии подлинную широту дыхания, уводит от периферийной узости.

Русская классическая драматургия никогда не оставалась только русской. Из национального в талантливых произведениях литературы всегда вырастает общечеловеческое. Завоевать глубокое симпатии зарубежного зрителя мы сможем лишь тогда, когда на сцену выйдет герой, обладающий общечеловеческими чертами, судьба которого сможет взволновать зрителя не только в Перми или Рязани, но и в Ленинграде и в Хельсинки, Париже и Гаване, Пекине и Дели. Думать об общечеловеческом — это значит вывести на сцену нового героя, человека, способного заронить в души западных зрителей веру в будущее человечества, воодушевить на борьбу за счастье, против больших и малых несправедливостей буржуазной действительности.

Во время поездки в Финляндию, в конце прошлого года, я повстречался с одним из крупнейших финских писателей Вяйне Линна. Вяйне Линна, по своим творческим убеждениям истинный реалист, едко высмеивал тех литераторов, которые подменяют объемное изображение, образ броским одноплановым эскизом. Он высмеивал тех, кто не пытается создавать крупные характеры людей из народа и все свои силы употребляет на психологическое копание в мелких

душах. Характеризуя этот процесс обидения литературы, Вяйне Линна сказал:

— Психонализ убил героя...

Это выражение припомнилось мне теперь, в предверии нашего большого разговора о драматургии, который должен состояться на пленуме правления Союза писателей СССР в марте.

Театральной драматургии Запады переживает серьезный кризис, связанный с общим кризисом идеологии и морали капиталистического мира, а также с конкурентным по своему характеру наступлением кино и телевидения. Как говорилось, сама судьба велит советским драматургам быть колониальными мирового драматического искусства. Глубже, полнее осваивая наш неисчерпаемый, полный революционной романтики жизненный материал. Писать увлекательные, свежие, совершенно, искать новые формы художественной выразительности. И, видя, искать не там, где уже все исхожено.

Что, кроме разочарования, выносятся от знакомства с пьесой «Взломщики тишины» О. Скачкова, претендующей, как это заметно по наивным авторским путям, на некую оригинальность. Обмениваясь длинными, зачитываемыми «афоризмами», ходят по сцене театра «Современник» герои этой пьесы. Мимой значительностью веет от каждой сцены, от каждой реплики. Механическое соединение судеб, традиционные, но однажды использованные в драматургии последние лет фигуры и ситуации, атмосфера почти что психопатическая.

Страданиям приступами нервного гнева бывший полковник Мишурков, губные и губные сестры Белла, Элла, Изабелла, позуриющий и брюзжащий молодой старик Виктор, которому автор щедро отдал свои симпатии, вернувшийся из не очень достойных странствий Андрей, пропадаящая от скуки Ольга... Какую же тишину взламывают эти странные персонажи? Тишину старого общества, где они живут? Так этот человек еще в девятьсот семидесятом году навсегда потерял свое былое значение. Весь шум, производимый этими «взломщиками тишины», какими бы словами они ни бросались, не стоит и одного удара молотка где-нибудь в цехе московского завода или на сибирской стройке.

на имена и положения, на молодость или масть.

Иногда и наши известные драматурги проявляют недостаточную требовательность к своему творчеству. А. Софроню выступил комедии «Стрелуха». В Театре имени Вахтангова хорошо поставил эту веселую пьесу. И зритель принял новый спектакль. О комедии «Стрелуха» и спектакле Театра имени Вахтангова много писалось. Казалось бы, успех «Стрелухи» давал драматургу А. Софроню дыхание для нового творческого разбега. Однако произошло совсем иное.

А. Софроню в текущем сезоне одну за другой выпустил еще две пьесы: «Без обратного адреса» и «Миллион за улыбку». Мне не хотелось бы в этой статье подробно останавливаться на вольевле «Миллион за улыбку». В этом вольевле много постоянного смехотворения в Театре имени Моссовета живо реагирует даже на самые неадекватные ситуации. В общем вольевле как вольевле. Не нельзя пройти мимо пьесы того же автора, поставленной в Театре имени Маяковского, — «Без обратного адреса».

Старую, неудачную пьесу «Карьера Бекетова», в свое время опубликованную и получившую резко отрицательную оценку критики, А. Софроню переделал и назвал по-новому. Вместо Бекетова в пьесе «Без обратного адреса» действует некий Бекешкин. И в пьесе, и в спектакле Бекешкин является героем драмы, даже с претензией на психологичность.

Разносторонне и всерьез как в пьесе, так и в спектакле идет разговор о судьбе анонимщика. Работая главным инженером завода, выпускающего комбайны, Бекешкин завидует своему товарищу, директору завода Привалову, и стремится вышибить его из директорского кресла, занять его место. Бекешкин пускается на подлость: он посылает в руководящие инстанции анонимные письма, порочащие директора завода. Привалова, симпат. На его место назначает Бекешкина. Однако его сын, кстатн говоря, влюбленный в дочь Привалова, находит черновики отцовских анонимных писем, и злодей в конце концов разоблачается.

И вот, представьте, на протяжении всего спектакля зритель вынужден следовать по пятам анонимщика и вникать во все его переживания. Если углубить эту пьесу, вероятно, стали бы возможны обобщения; что породило и порождает еще сейчас таких людей, как Бекешкин. Серьезная пьеса

о судьбе карьериста в нашей действительности, так же как и сатирическая комедия на эту тему, могла бы вызвать неподдельный интерес. Беда прежде всего в том, что А. Софроню так и не определил до конца жанр своего произведения, а образы, сведенные в мимодраматические ситуации, едва-едва подняли над фельетонным уровнем. Уныние и тоска охватывают душу, когда покидаешь театр после этого спектакля. Будто сам окупился в темную воду складки.

Хочу еще раз подчеркнуть, что пьеса А. Софроню могла бы быть в тысячу раз острее. И не против остроты конфликта, но здесь, так же как и в пьесе И. Курянова, не конфликт, а по сути дела, отсутствие конфликта. Сразу, в первом же действии, мы убеждаемся в том, что клеветник будет разоблачен и пострадает.

Драматург, активно работающий на материале современной жизни, следовало бы с особой тщательностью относиться к своему творчеству. Московские драматурги выступили в последние время с рядом интересных пьес, в самых различных жанрах. Отдельно хотелось бы остановиться на новой пьесе И. Штока «Якорная площадь».

Один из старейших наших драматургов, Исидор Шток, связанный узами творческой дружбы с талантливым коллективом Центрального театра Советской Армии, свою пьесу написал для этого театра. Пьеса вызывает серьезные размышления о высоких понятиях чувства и долга. Анонимный сюжет, свежее по форме построение, точные и всегда своеобразные, в характере диалогов. В этой пьесе герой ее, краснофлотец с экспериментальной подводной лодки, Сергей Селянин побеждает слабость собственной души. Селянин — любящий свою Родину человек, преданный Советскому Флоту матрос. И тем острее сталкиваются в нем, то лучше, что заложено советским воспитанием, и то, что надо преодолеть. Публика не влезает ни в какие рубрики, милые сердцу некоторых наших критиков и работников по ведомству искусства. По поводу этой пьесы уже разгорается споры. И это — лучший признак того, что пьеса заинтересовала.

Советская драматургия пьесами Погдина и Тренева, Лавреньева и Корнейчука, Ромашова и Вишневецкого, Билы Белогорского и А. Финюкова утвердила своего героя, человека, достойного подражания, активно вступающего в жизнь строителя нового мира. Эта традиция будет развиваться успешно, если мы коллективно и единолично позаботимся о многообразии стилей и жанров, о новизне драматургической формы, о притоке свежих молодых сил в драматургическую литературу.

Обветшало хоть сколько-нибудь широкое состояние драматургии — дело сложное. Поэтому я коснулся лишь одного вопроса — о герое современной драмы — и ограничил разговор последними работами русских драматургов. Может быть, не все верно в моих суждениях, но ошибаться даже критика, весьма искусные в тонкостях драматургического письма... Мне попросту хотелось высказаться о том, что меня волнует, и, я думаю, волнует сегодняшнего зрителя, который ждет от драматургии глубокого и яркого изображения нашего современного

Главный редактор С.С. СМОРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛВОТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГИЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛДУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.